

После того как балаган на магглском рынке подошёл к концу, Сириус вернулся в этот удушающий дом.

Мрачная атмосфера родового гнезда Блэков давила, словно плотная, лишённая воздуха сеть.

Пронзительные упрёки Вальбурги просачивались сквозь щель в двери, неслись по коридору, карабкались по лестнице и безошибочно находили дверь его комнаты.

— Сириус Орион Блэк! Немедленно спустись ко мне!

Он прислонился спиной к филёнке двери, перебирая в пальцах магглскую монету, и подумал: из-за чего на этот раз? Из-за того, что сходил на магглский рынок? Из-за того, что связался с сомнительными личностями?

Или просто потому, что сегодня он дышал не в том ритме?

Неважно.

Он распахнул ящик стола и кое-как запихнул в дорожную сумку несколько вещей.

В самом углу завалилась нераспечатанная зубная щётка — он привёз её в прошлый раз из дома Поттеров, Юфимия купила ему мятную.

На середине пути молния на сумке застряла, и он замер.

Окно было открыто, ночной ветер то задирает занавеску, то опускает её обратно.

Материнские наставления внизу продолжали литься рекой, перейдя от фразы «ты позоришь фамилию Блэк» к «если бы твой дед был жив, он бы умер от стыда».

Сириус застегнул молнию до конца.

Он взял с прикроватной тумбочки пластинку, купленную сегодня на рынке у какого-то лондонского андеграундного ансамбля, на конверте которой была нарисована рогатая кошка.

Засунув пластинку между одеждой, он закинул сумку на плечо, распахнул окно и перекинул ногу через подоконник.

Это был уже семнадцатый раз, когда он сбегал через окно. Настолько ловко, что и не скажешь, будто перед нами наследник чистокровного рода.

Подоконник оказался чуть влажным, и он едва не сорвался. Но ничего страшного.

Спустя две секунды его ботинки коснулись садовой травы, через три секунды он перемахнул через невысокую ограду, а через пять уже стоял под фонарём на площади Гримо.

Ночной воздух приятно охлаждал лицо, смешивая в себе типичный для Лондона запах гари и сырости.

Он сильнее затянул ремни рюкзака, глубоко вдохнул и зашагал вперёд.

Всё, о чём он сейчас мог думать, — это дорога к дому Джеймса.

В Годриковой Впадине в доме Поттеров всегда горел тёплый свет.

Он постучал три раза: два быстрых удара, пауза, ритмично — их с Джеймсом тайный угод. Джеймс, правда, вечно забывал схему, но Сириус упрямо продолжал стучать именно так каждый раз.

Дверь отперли почти сразу.

Флимонт Поттер стоял на пороге в помятой клетчатой рубашке; его волосы поседели ещё сильнее с тех пор, как Сириус видел его в последний раз, но те самые глаза — точь-в-точь орехово-зелёные глаза Джеймса — по-прежнему ярко светились.

— Сириус? — в его голосе не было ни капли удивления, словно он давным-давно ждал именно этого момента. — Заходи скорее, на улице прохладно.

Пока он говорил, из дальнего конца коридора уже спешила Юфимия.

На ней был халат нежно-лилового цвета, волосы заплетены в свободную косу, перекинутую через плечо, а в руках она держала чашку чаю.

— Сириус, — произнесла она так же просто, как звала к обеду собственного сына. — Проголодался? На кухне остался тыквенный сок и вчерашний пирог.

Никаких «почему ты пришёл». Никаких «знают ли об этом твои родители». Ни единого из тех исполненных подозрения и упрёков вопросов, которые непременно задала бы его мать.

Они просто отступили в сторону, пропуская его внутрь.

Сириус замер в прихожей Поттеров, его сапоги оставили следы на ковре с вышитым золотым снитчем.

На стене висел семейный портрет: Флимонт и Юфимия стояли позади, а Джеймс — впереди, с совершенно невообразимо торчащими в разные стороны волосами и широкой улыбкой, обнажающей неровный ряд зубов.

В камине весело потрескивал огонь.

В воздухе витал сладковатый запах тыквенного сока и чего-то пригоревшего — то ли пирога, то ли ещё чего-то. На кухне у Поттеров всегда царил этот житейский дух старания, граничащего с неизбежными мелкими неудачами.

Сириус почувствовал, как какая-то мышца в плечах — та самая, что была натянута струной с самого момента выхода из особняка Блэков, — наконец-то расслабилась.

— Джеймс! — крикнула Юфимия в сторону лестницы. — Спускайся скорее!

Сверху донёлся оглушительный грохот.

Сириус поднял голову и как раз успел заметить, как Джеймс Поттер несется вниз в манере, которую можно было описать как «я не иду, не бегу, а передвигаюсь с помощью крайне опасных для жизни манипуляций».

Его волосы торчали ещё сильнее, чем на фотографии, — нет, погодите, они не просто торчали, они буквально взрывались во все стороны, напоминая птичье гнездо, изнутри распираемое чем-то объёмным.

— Сириус! — заорал Джеймс так громко, что зазвенели стёкла в гостинном серванте. — Наконец-то ты добрался!

Он сиганул с последних трёх ступенек и приземлился так неудачно, что чуть не наступил на валявшийся на полу второй том «Справочника по защитным чаклам».

Но каким-то непостижимым образом — свойственным исключительно Джеймсу Поттеру, или, вернее сказать, лишь тем безумным трюкам, на которые отваживался только он один, — он не только не рухнул носом в пол, но и на лету сгреб Сириуса в охапку, закинув руку ему на плечо.

— Мать опять орала? — поинтересовался Джеймс без тени сочувствия в голосе, скорее так, как будто спрашивал, пообедал ли тот сегодня.

— Угу.

— И за что на этот раз?

— Как обычно.

— Ну и ладно, — отмахнулся Джеймс, словно подобный исход событий полностью укладывался в его прогнозы. — Я тут припрятал под кроватью коробочку драже «Берти Ботт», притащил из Хогвартса ещё в прошлом семестре. Срок годности мог истечь, а мог и нет. Будешь?

— Сейчас вообще-то почти одиннадцать вечера.

— И что с того?

Сириус посмотрел на Джеймса. Джеймс смотрел на него в ответ: его глаза сияли, за стёклами очков он широко распахнул их, а выражение лица было донельзя серьёзным, будто он обсуждал с ним разработку стратегической военной операции.

— ...Буду.

— Заметано.

Флимонт прошёл мимо них, покачивая головой, но уголки его губ были приподняты в улыбке.

Юфимия с чашкой чая в руках стояла в коридоре и, глядя в спины трём мальчишкам — нет, погодите, двум мальчишкам и одному нечто подросткового возраста, — улыбалась глазами.

Гостиная в доме Поттеров была самой не похожей на гостиную чистокровного семейства комнатой из всех, что довелось повидать Сириусу.

И вовсе не потому, что она была недостаточно большой — напротив, места здесь хватало с лихвой, чтобы установить громадную рождественскую елку и при этом оставить половину помещения для тренировок по квиддичу. Дело было в царившем здесь «кавардаке».

В отличие от угрюмого особняка Блэков, где каждый предмет имел своё раз и навсегда заведённое место, а каждый сантиметр пространства буквально кричал об элитарном принципе «руками не трогать», гостиная Поттеров пестрела следами непрерывного присутствия живых людей.

На подлокотнике дивана небрежно висел не убранный вовремя шарф.

На журнальном столике стоял наполовину опустошённый стакан с тыквенным соком, и на стенках стекла красовался высохший круглый развод.

В углу громо стопка журналов, причём верхний был раскрыт на странице с расписанием матчей Лиги по квиддичу, а между страниц обнаружилась записка, написанная собственной рукой Джеймса: «В этом году обязательно разгромить Слизерин».

План победы состоял всего из двух пунктов:

1. Идеально отработать пасы квоффлом;
2. Упросить Сириуса встать на позицию загонщика.

Огонь в камине полыхал жарко, заливая всю комнату мягким золотистым светом.

Сириус опустился на диван. Кожаная обивка уже успела промяться под чьим-то весом, образовав невероятно уютное углубление, идеально повторяющее изгибы спины.

Он понятия не имел, кто оставил эту выемку — Джеймс или Флимонт, но в ту самую секунду, когда он откинулся на неё, ему показалось, будто его бережно подхватили на руки.

Юфимия, уже собравшаяся уходить, на мгновение замерла в дверях и бросила через плечо:

— Постель свежая, в твоей старой комнате. Я пару дней назад застелила новое одеяло, оно потолще прежнего.

Сириус моргнул. В последний раз он ночевал у Поттеров два месяца назад.

— Откуда вы знали, что я приеду? — удивился он.

Юфимия взглянула на него, и в её мягких глазах читалось лёгкое удивление: мол, как же ты до сих пор не можешь этого понять.

— Потому что ты всегда приезжаешь, — ответила она.

После этого она тихонько вышла, оставив после себя тишину, которую нарушало лишь уютное потрескивание поленьев в камине.

Джеймс снова нёсся со второго этажа — на сей раз в открытую, тяжело и гулко топая каждым шагом, словно крупное четвероногое животное, нетерпеливо рвущееся с поводка.

Он прижимал к груди картонную коробку, на крышке которой кривыми печатными буквами разного цвета было выведено: «Сокровища Джеймса».

— Нашёл! — победоносно объявил Джеймс. — Те самые бобы.

Он шмякнул коробку на журнальный столик и выудил оттуда слегка помятую картонную пачку.

Углы коробки истрепались, а крышка была аккуратно запечатана полоской скотча, на которой тем же почерком, но чуть более размашисто — видимо, дописывали позже — красовалось предостережение: «Коричневые не жрать».

Сириус взял пачку и легонько потряс её. Внутри раздался сухой шуршащий звук, напоминавший шуршание опавших осенних листьев под ногами прохожих.

— И какой у них вкус, у коричневых?

— Не помню, — честно признался Джеймс. — То ли земля, то ли ушная сера.

— Тогда зачем ты написал «не жрать»?

— Потому что я их попробовал, а потом меня стошнило, — с видом оскорблённой невинности заявил Джеймс. — Не хочу, чтобы тебя тоже выворачивало.

Сириус перевёл взгляд с коробочки на Джеймса.

— До чего же ты благородный, — изрек он.

— Я в курсе, — гордо кивнул тот.

Они высыпали по горсти драже на ладони. Сириус наугад вытянул синюю горошину — повезло, со вкусом черники.

Джеймс подцепил розовую — тоже удачно, клубничную. И тут они оба одновременно усталились на злосчастный коричневый шарик.

— Ешь ты, — предложил Джеймс.

— Сам ешь, — отпарировал Сириус.

— Ты первый взял пачку.

— А ты первый заикнулся про коричневые.

Они молча сверлили друг друга взглядом секунды три.

Затем синхронным движением отбросили коричневую горошину в сторону.

— Оставим Нюхликсу, — предложил Джеймс.

— Он не станет есть то, что ты ему подсунешь.

— Тогда засунем ему в сумку.

— Ты не сможешь просунуть туда и хвост крысы.

— Мои чары трансформации на высоте.

— В прошлом семестре твои чары трансформации чуть не превратили крысу в чайную чашку.

— Это было современное искусство.

Сириус закинул последнюю конфету в рот, пару раз жульнул челюстями и поморщился.

— Чего ты? — тут же насторожился Джеймс.

— ...Со вкусом винограда.

— И что, плохо?

— Будто жуешь чью-то выплюнутую жвачку.

Джеймс опешил на секунду, а затем грохнул со смеху. Это был не вежливый смех, а настоящий хохот из разряда ха-ха-ха, ты попался, от которого он откинулся назад и едва не рухнул с дивана.

Упершись рукой в подлокотник, он со смеху сбил набок очки, из глаз брызнули слёзы, а сам он издавал звуки, представляющие собой нечто среднее между приступом хохота и задохнувшимся вздохом.

Сириус глядел на него с абсолютно каменным лицом.

Но прошло три секунды — и он тоже не выдержал.

Смех получился негромким. Скорее глухим, рождённым где-то глубоко в носу, пропитанным неизбывной усталостью и мыслью: «Ладно, на этот раз ты победил».

Сириус приоткрыл глаза.

И уставился на потолок.

Потолок в доме Поттеров разительно отличался от его собственного: в родовом гнезде Блэков потолочные перекрытия украшала сложная лепнина с фамильным гербом и латинским девизом — *Toujours Pur*, Всегда чистокровны.

Каждый раз, лежа на постели и глядя на эти слова, он чувствовал себя так, будто его придавливают тяжёлой плитой.

На потолке у Поттеров не было абсолютно ничего.

Только блеклое пятно неопределённой формы, напоминавшее гребень со сломанными зубьями.

Сириус долго вглядывался в это пятно.

А затем перевернулся на бок и уткнулся лицом в подушку, пахнущую лавандой и солнечным светом.

<http://bllate.org/book/22381/2348026>